

Жан Рено, или

Экран и сцена - 1998 - май - август - №30 - с. 14-15.
Тьерри КЛИФА

Ровно 10 лет назад во Франции вышел первый хит Жана Рено — лента “Голубая бездна” Люка Бессона, в которой никому не известный актер из Марокко сделал первую заявку на роль французской кинозвезды. В этом году по экранам мира победно шагает голливудский мегабоевик “Годзилла”, в котором Рено громко заявил о себе как о голливудской звезде.

Рено не зря родился в городе, давшем название одному из самых знаменитых фильмов в истории кино — Касабланке. Сегодня актер, который долгие годы считался типичным статистом в третьесортных фильмах и спектаклях, оказался предтечей звезд XXI века, чье обаяние не вписывается в расовые и национальные категории, а воздействует на публику поверх всех барьеров.

— В 1986 году Люк должен был снимать в Майами рекламный ролик Nestle. Я не хотел сниматься в рекламе, но Люк пригрозил мне, что тогда он откажется от работы. Он пообещал, что снимет меня так, что лица видно не будет. Приехав туда, мы оба были ошеломлены. Огромные пляжи, дома пастельных цветов, полицейские на мотоциклах, настоящие торнадо. Мы играли в футбол прямо в номере отеля.

— А в тот момент вы сказали себе, что будете играть в американском кино?
— Нет. Я всегда жил сегодняшним днем, и никогда не загадывал на много лет вперед. Первый раз я почувствовал, что смогу сниматься в Америке, когда мы делали Леона. Мы с приятелем пошли в ресторан в Лос-Анджелесе, и парень, который нас обслуживал, показал на меня пальцем и сказал: “Ни-ки-та!” И я понял, что где-то приткрылась маленькая дверь. Этот официант был первым человеком, который подтолкнул меня в желании делать карьеру в США.

— У вас уже был свой актерский агент в Голливуде?
— Сразу же после успеха “Голубой бездны” мы с Люком и Эриком Серра прямоком пошли в агентство ICM и завели агентов. После того как мой агент перешел в САА, я последовал за ним. Но об американской карьере я не думал. До “Никиты” я вообще не получал никаких предложений. А потом меня стали звать на роли чокнутых убийц. Я всем отказывал, даже Майклу Манну, который звал меня в “Схватку”.

— Это опаснейшая ловушка — играть негодяев, прежде чем тебе удалось показать им, что ты способен на что-то еще.
— Вы говорили в те годы по-английски?
— В два раза хуже, чем сегодня. Я начал брать уроки английского и итальянского языка, когда мы снимали “Голубую бездну”.

— Какую первую интересную роль вам предложили в Голливуде?
— Монткалм в “Последнем из могикан”. Но в конце концов они предпочли мне Патрика Шеро. Они хотели кого-нибудь поупоученнее, пофранцузистее. Нужно быть очень осторожным, потому что в Америке очень искаженное, карикатурное представление о Франции. Мне пришлось приложить массу усилий, чтобы его преодолеть. Им нужно постоянно доказывать, что у тебя есть чувство юмора, потому что они считают французов очень серьезными и высоколбыми. И, кстати говоря, свою первую роль во французском фильме я получил без помощи моего голливудского агента. Лоуренс Кэзден подбирал исполнителей ролей французоз в комедии “Французский поцелуй” прямо во Франции. Я прошел стандартные пробы и был взят на одну из довольно заметных ролей.

— Вас не смущала необходимость проходить кинопробы?
— Почему? В Америке всегда пробуют актеров. Там вообще другая дисциплина и отношение к работе. Пробы — как обмен визитными карточками. Они не станут обижаться, если от них потребуют пробы, но будут скандалить, если им предоставят гримерную меньшего размера, чем полагаются по статусу.

— Как прошли съемки “Французского поцелуя”?
— Очень хорошо. Я легко находил общий язык с Кэзденом и очень подружился с Кевином Клайном. Чуть потруднее было общаться с Мег Райан — это холодная и не очень открытая женщина.

— Затем вы снялись в “Невыполнимом задании”.
— И это заслуга не моего агента! Брайан Де Палма искал французца за запоминающейся внешностью. Он посмотрел “Последнюю битву” и сделал вывод, что я могу произвести впечатление, не говоря ни слова. Он связался с Режи Варнье, с которым дружил, тот организовал нам встречу. Мы устроили что-то вроде импровизированной пробы — читали отрывки из сценария. Он был удовлетворен, я подписал контракт.

— Вы удивились, когда поняли, что главным начальником на съемках стал не Брайан Де Палма, а Том Круз?
— Я не удивился. Я знал, что Том Круз купил право на киноверсию, что он выступил продюсером фильма, что именно он нанял Брайана... К тому же у Брайана в то время были проблемы в личной жизни — умер человек, которого он очень любил. На съемках боевиков всегда складывается особенная атмосфера, но если ты знаешь, чего от тебя хотят, все идет нормально. Хотя Эмманюэль Беар, как мне кажется, гораздо болезненнее адаптировался к такой обстановке. Она только что закончила сниматься в фильме “Нелли и мсье Арно”, где атмосфера на съемках была особенно теплой и дружеской. А здесь никто ни с кем не сближался. Я помню, как однажды столкнулся в коридоре с Ванессой Редгрейв — она была похожа на богомола. Соизволила обратить внимание на моего учителя английского, очевидно, он был в ее курсе, а на меня даже не посмотрела и не поздоровалась. Женщина-танк. Во время съемок таких проектов быстро понимаешь, что такое “каждый играет за себя”. Нужно иметь хорошую ракетку, хорошие кроссовки, и когда в тебя летит мяч, нельзя промахнуться, нужно послать сильный ответный удар.

— Каково играть с Томом Крузом?
— Забавно. Как игра в кошки-мышки. Он очень хороший актер, в нем есть очень сильный магнетизм, но как все остальные голливудцы, он не переносит, чтобы у кого-то было над ним преимущество. Помню первую сцену, которую мы играли вместе. После репетиции камеру передвинули так, чтобы он был в центре кадра, а я и немножко сбоку. Что делать в таких случаях? Запоминать. Учиться. И тешишь свое тщеславие — мол, он меня боится. Но ни в коем случае не показывать своей обиды. И все проходит очень хорошо. Главное — не смеяться, когда режиссер разводит мизансцену. Потому что ты на полголлова выше Круза, а режиссеру нужно сделать так, чтобы

это было незаметно.
— Во время съемок этого фильма у вас не было чувств, что вы начинаете карьеру в кино?
— Да. Собственно говоря, так оно и было. Моя американская карьера началась после успеха “Невыполнимого задания”. Мне удалось сравнять счет с Томом по ряду пунктов, и люди стали говорить: “Жан Рено — это круто”.

— А как вы играли с Робертом Де Ниро в вашем новом фильме “Ронин”?
— Это было действительно замечательно. Но с ним невозможно соревноваться, он в любом случае тебя переиграет. Ребята, которые попытались подкинуть ему мелкие подлянки, сильно об этом пожалели, потому что он кубкально стер их в порошок. Мне кажется, что он хлебнул много унижений в начале карьеры, иначе бы он не держал такую жесткую круговую оборону. Но если во время съемок какой-то сцены ты начинаешь танцевать вокруг него — в переносном смысле слова, конечно, — он тоже подхватывает танец, будет с радостью описывать вокруг тебя пируэты и фуэте, и в результате получится гениально па-де-де.

— Значит, Том Круз — коммерческий актер, а Де Ниро — подлинный художник?
— В этом нет ничего плохого. В Голливуде это нормально. Роберту Де Ниро 54 года, и у него совершенно иные устремления, чем у Тома Круза. А Том — очень умный человек, очень хороший актер, приятный партнер, настоящий профессионал, но как только закончена работа, закончены и отношения. С тех пор прошло уже больше двух лет, и мы ни разу не общались. Да и во время съемок с ним невозможно было говорить дольше 15 минут. Он очень занят, очень сосредоточен на выполнении текущих задач и всегда настроен. Что поделать, он один из самых могущественных людей в Голливуде. За все приходится платить.

— Вы были знакомы с Де Ниро до съемок “Ронина”?
— Мы встречались один раз. Это очень утонченный человек, очень глубокий. И

почти все крутые дела в последние несколько месяцев. А ковед там просто потрясающий.

— Вы жили в “Годзиллу”, чтобы не пропустить премьеру “Мэд, француз”?

— Нет, он поехал со мной в Францию. Он боится, что в отсутствие хороших французских проектов я буду сниматься черт знает где!

— Вам было обидно, что Бессон не дал вам реализовать его мечты в “Пятом элементе”?

— Нет. Ему была нужна международная звезда, способная поддержать такой крупный бюджет. Я же снимался в его следующем фильме “Жанна, битвы”, (Jeanne, les batailles, о Жанне Д’Арк — ЭС), потому что у меня съемки в США. Актеры отказываются от режиссеров. Они не платят ируют свою работу так жестко, у них больше случайностей в карьере.

— Как вы вспоминали Льюка Бессона, у вас от съемок в “Голубой бездне”?

— Ужасно жалею, что не смог как следует познакомиться со всеми местами, в которых мы снимали — удивительная природа, море, порты... Наверное, я был тогда еще слишком молод, не понимал, какой подарок делает мне судьба. Иногда я говорю себе: “Ах, если бы снова пережить тот год!”

— Сохранилась фотография, сделанная в кинотеатре на Каннском фестивале по завершении сеанса “Голубой бездне”? Люк Бессон поднимает вашу руку в знак победы.

— Незабываемый момент. Рядом с нами сидел младший брат Люка. Брюс, который играл в фильме юного Майюа. Он плакал. А вокруг нас аплодировали стоя 2400 человек. Точно помню сцену них лица Сандрин Боннер и Патрика Пуавра Д’Арвуара.

— Вы почувствовали, что ваша судьба делает крутой вираж?

— В тот момент — нет. Все началось потом. Когда мы стали путешествовать с фильмом по всем странам, и всегда — первым классом, останавливались в лучших отелях, а на премьеры нас возили в девятиметровых лимузинах. Вот тогда я смог рассмотреть улыбки людей, которых я видел в первый раз. Женщины, шампанское, цветы... Ты спраливаешь себя, почему все улыбается, и вдруг осознаешь, что все изменилось, хотя ты остался прежним. А смотрят на тебя иначе.

— Позже вы говорили, что успех “Голубой бездны” лишил вас вкуса к радостям жизни.

— Мы полтора года жили, как на карнавале. Если каждый день пить шампанское и есть черную икру в компании самых красивых женщин, постепенно теряешь вкус к жизни.

— Вы говорили себе 10 лет назад: “В 1998 году я приеду в Канны с американским супербоевиком”?

— Нет. Мне казалось, что все, абсолютно все мои мечты сбьлись. Меня признали в такой важной и большой кинодержаве, как Франция, — о чем еще мечтать? Меня любят, меня везде принимают, меня приглашают во все фильмы. Но я решил, что пора сделать остановку. Я с трудом обживался в новом статусе. Когда я стоял в Канны между Дайан Китон и Энди МакДауэлл, все время спрашивал себя, что я делаю в их компании, и не вышибли ли меня отсюда, как зазевавшегося провинциала. По правде говоря, я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос. И не хочу знать, почему судьба приготовила мне этот сюрприз.

— Когда вы в первый раз побывали в США?

— Я всегда говорил, что успех “Голубой бездны” лишил вас вкуса к радостям жизни.

— Мы полтора года жили, как на карнавале. Если каждый день пить шампанское и есть черную икру в компании самых красивых женщин, постепенно теряешь вкус к жизни.

— Вы говорили себе 10 лет назад: “В 1998 году я приеду в Канны с американским супербоевиком”?

Десять лет славы

— Расскажите, что больше всего вас завлечет в Голливуде?
— Недавно я пошел обедать в ресторан в Беверли-хиллз, где очень хорошие вина. Делаю заказ и вдруг вижу за соседним столиком Керка Дугласа. Керка Дугласа!!! Потом замечаю, что по другую руку за столиком сидит Джеймс Коберн. Начинаю вертеть головой, как последний идиот, и замечаю Настасью Кински. Потом Кристофа Ламбера с Милан Фармер. Вот он, Лос-Анджелес.

— Что является для вас настоящей американской мечтой?
— Я знаю, что слава не будет длиться вечно, но надеюсь, что какой-нибудь из моих фильмов станет по-настоящему популярным в Америке и затронет души всех американцев. У актера есть два пути: популярный и, если упростить, высоколбый. Думаю, моя мечта исполнится, если снимусь у кого-нибудь вроде Квентина Тарантино. Но они не хотят использовать разные грани наших талантов. И в чем-то они правы. Француз все может сыграть американца из Техаса. Все большие американские звезды — американцы. Разумеется, есть Жан-Клод Ван Дамм, но это продукт маркетинга. А я не хочу превращаться в продукт. Поэтому хочется играть разные роли, максимально расширять свой диапазон. Мне очень хочется сделать хорошую англоязычную комедию. “Могила Розанны” не получилась. Сценарий мне ужасно понравился, я получил, что после этого фильма мое мнение англоязычной публики обо мне изменится. Но, оказывается, американцы не видят меня в подобном амплуа. Они видят во мне Леона.

— Сильно ли отличается ваш гонорар за “Годзиллу” от гонорара за “Пришельцев”?

— За оба фильма мне заплатили почти одинаково. В США я еще не стал звездой, которой платят миллионы. Все происходит не сразу.

— У вас есть конкретные американские проекты?

— Мы собираемся делать в Америке “Пришельцев” на английском языке. Продюсировать будет Джон Хьюз, ставить — Жан-Мари Пуаре, главные роли снова сыграем мы с Кристианом Клавье. Но, конечно же, это будет совершенно другой фильм. Больше ничего сказать вам не могу, а то мне вырвут язык!

— А во Франции?

— Собираюсь сниматься вместе с Жюльетт Бинош. Но опять же больше ничего сказать не могу.

— У вас удивительно спокойное и даже немного отстраненное отношение к профессии. Откуда это?

— Мне было 17 лет, когда я потерял мать, и с тех пор я смотрю на вещи философски. И потом, я вообще люблю людей — больше, чем кино. Так уж получилось. Много лет в моей жизни не было никого, кто бы похвалил меня, утешил, сказал, что я красивый и талантливый. Мне пришлось говорить другим людям слова, которые я хотел бы услышать — в надежде, что когда-нибудь эти слова вернутся ко мне бумерангом.

— Вы сильно изменились за эти десять лет?

— Я научился лучше управлять деньгами, временем, людьми. Стал более организованным, и, наверное, утратил частичку спонтанности.

— О чем вы думали, поднимаясь по Каннским ступенькам в этот раз?

— О том, как по-разному встречает меня французская и международная пресса. Знаете, я заметил очень интересную вещь. Когда ты общаешься с людьми на неродном языке, легче установить контакт. Общение идет не только на уровне слов, но и жестов, мимики, телодвижений. По идее, когда француз и швед общаются на английском языке, должны возникать препятствия, но получается наоборот. Мы становимся раскованнее и эмоциональнее.

— Что вы больше всего любите в своей профессии?

— Встречи с людьми. Зачем мы существуем на этой земле, если не для общения с себе подобными? Жизнь проходит удивительно быстро. Путешествие, встречи с людьми, от которых можно узнать что-то новое — это волнует и придает второе дыхание.

— Вы не боитесь, что вас обвинят в служении интересам американского культурного империализма?

— Эту проблему высосали из пальца. Впервые, если зрителю понравился фильм,

мысли с тем в нем чувствуется сдерживаемая жестокость и что-то слегка... извращенное.

— Во время съемок “Ронина” вы говорили, что работа немного затянулась.

— С режиссером Джоном Франкенхаймером тяжело долго общаться. Порой его вообще трудно понять. Ему 68 лет, у него в голове заботы 68-летнего человека.

— Вы встречались с Де Ниро по окончании съемок?

— Нет. Но зато мы перезванивались. Расскажу вам эту смешную историю, надеюсь, он не обидится. Как-то под вечер Боб звонит мне из Венеции. Говорит, что через час возвращается в Париж на своем частном самолете и хочет нынче вечером отобедать в каком-нибудь приличном парижском ресторане. Я говорю, что подберу ему хороший ресторан, закажу столик и перезвоню. Спрашиваю номер его мобильного телефона. Боб мнется и наконец говорит, что телефон плохо работает. Он явно боится давать свой личный номер. Говорит, чтобы я перезвонил на его автоответчик в Нью-Йорке. Я позвонил Бернару Луазо, предупредил его о приезде Де Ниро, потом позвонил в Нью-Йорк и оставил сообщение на автоответчике. Наконец, в 10 часов вечера Боб позвонил мне все по тому же “плохо работающему” мобильному телефону и сказал, что получил мое послание. Вот таков Боб! Мне было очень грустно, когда случилась эта история с его допросом и предварительным следствием, мне было стыдно за Францию. Он так любит нашу страну! Здесь жил его отец, он был художником. Боб приезжал сюда, когда ему было всего 17 лет...

— Вам очень хотелось с ним встретиться, когда вы только начинали осваиваться в Голливуде?

— Да, конечно. Но больше всего мне хотелось встретиться с Иствудом. Мы дважды встречались. Удивительно красивый человек, прекрасная жизненная энергия. Мне нравится то, что в его глазах всегда можно заметить легкую меланхолию. Мне также очень нравится Шон Коннери. Мне хотелось бы состариться так же красиво, как он. На меня произвел очень сильное впечатление Джон Хьюз. Он приходил к нам на съемки “Невыполнимого задания”. Потрясающий человек — пьет, курит, живет в Чикаго, любит говорить о своих коровах и семье, и при этом сделал блестящую голливудскую карьеру. Он сказал мне, что спродюсировал 29 фильмов, из них 27 показывались во всем мире. Он говорил, что до сих пор вспоминает сцену из “Леона”, когда Матильда говорит мне: “Неужели жизнь всегда такая?”, — а я отвечаю: “Да, жизнь всегда такая”. Хьюз все время повторял мне эту фразу.

— Складывается впечатление, что во Франции вы успешно функционируете в “киносемьях” — в компании Бессона, в компании Пуаре-Клавье, в то время как в Америке вы работаете просто как наемник.

— Это действительно так. В Америке нет киносемей. Они вообще разучились жить вместе. Возможно, у кинематографистов старой закалки, таких, как Редфорд и Ньюман, что-то еще осталось. Конечно, есть тандем Де Ниро-Скорсезе, но у них отношения отца и сына, а не друзей. А насчет наемной работы... Я еду в Америку, чтобы увидеть нечто иное, отличающееся от Франции. В каждой стране свои обычаи. Они делают шаг в твою сторону — дают тебе роль. Ты делаешь шаг в их сторону — приравниваешься к их стилю работы, ассимилируешь что-то из их культуры.

— Вам не кажется, что вы что-то теряете в этом процессе?

— Никто не может ничего потерять, если только он сам этого не хочет. Знаете, есть теория тысячи листков: ты никогда ничего не теряешь, ибо потери сами по себе являются приобретением нового опыта.

— Во Франции вы играете героев, в США вам предлагают роли злодеев.

— В “Годзилле” я играю самого что ни на есть положительного крутого парня. Моя задача — испортить зло, совершенное Францией во время ядерных испытаний в Тихом океане. Их взрывы разбудили Годзиллу, и теперь он отправляется стирать Нью-Йорк с лица Земли. Моему персонажу отведены

натворили дел — французы и справили положение?

— Мы ни разу об этом не говорили. Но если это так, я не вижу в таком решении ничего плохого. Франция действительно проводила испытания в Тихом океане, за основу был взят реальный факт. А то, что положение исправляет француз — это деликатность со стороны сценаристов по отношению к Франции. Надеюсь, вы не против?

— Вы не волновались накануне премьеры “Годзиллы”?

— Я прекрасно понимаю, что представляет собой “Годзилла” в глазах критиков. Все получилось ужасно диспропорционально. Поначалу планировалось, что фильм выйдет в США на 3000 экранов, потом оказалось, что их будет больше 7000. Возможно, это медвежья услуга и “Годзилла” и остальные фильмам, которые вышли одновременно с ним.

— Сколько времени продолжались съемки?

— Я снимался два с половиной месяца в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и на Гавайях.

— Расскажите о съемках.

— Рядом с ним постоянно находится Дин Девлин, его ассистент этого, типичный преуспевающий продюсер. Каждое воскресенье у него накрыт стол на всех. Самым удивительным на съемочной площадке был виртуальный монтаж. Мы снимаем сцену, а через 20 минут ее уже можно посмотреть начерно смонтированной. Это был настоящий шок. Второе потрясение — сама съемочная площадка Sony на студии Columbia — наверное, это самый большой павильон в мире. А третий шок я испытал, когда на площадке появилось восемь детенышей Годзиллы. Внутри каждого сидел взрослый человек, но чтобы управлять огромной головой, требовалась дюжина человек с дистанционным управлением.

— Какое, по вашему мнению, главный козырь Эммериха?

— Умение управлять гигантскими проектами. На “Годзилле” работало 7 тысяч человек. Каждый день на съемочной площадке собиралось как минимум полтысячи людей. И одновременно с умением управлять этими огромными толпами — простая драматургия, очень человечная и трогательная.

— Вы говорите, что успех “Пришельцев” сослужил вам плохую службу.

— Да. Здесь не любят коммерческого успеха. Его словно боится. В США все наоборот. Но мне хочется сказать французам, что я вовсе не сбежал в Голливуд. Я собираюсь уезжать туда навсегда. Они думают, что притягательность доллара такова, что противостоять ему невозможно, но на самом деле деньги — это дерево, тень от которого затемняет результат вашего труда.

— С каких пор вы стали регулярно ездить в США?

— После “Леона”. Сейчас провожу там месяца четыре в год. Работаю, хожу на деловые встречи, общаюсь с людьми, пожимаю руки. Сейчас у меня намечается проект фильма, который, если все сложится удачно, буду делать в январе с Кьюбой Гвингом-младшим на студии Universal.

— У вас есть особняк в Лос-Анджелесе?

— Нет. Только квартира, которую я снимаю на пару с другим жильцом.

— Говорят, что у вас есть специальный... не знаю, как лучше назвать — личный ассистент, тренер, консультант, — который следит за вами на все съемочные площадки и помогает адаптироваться к американским стандартам.

— Его зовут Эмерсон Уэст. Он как мое зеркало. Вернее, как брат. У него отличный слух на акцент.

— Не двусмысленна ли такая ситуация по отношению к режиссеру-постановщику?

— Нет. Они взаимодополняют друг друга. В любом случае это помогает мне чувствовать себя уверенно. Благодаря Эмерсону я могу полностью контролировать все, что мне приходится делать. После каждого дубля я смотрю результат.

— Как вы вспоминали Льюка Бессона, у вас от съемок в “Голубой бездне”?

— Ужасно жалею, что не смог как следует познакомиться со всеми местами, в которых мы снимали — удивительная природа, море, порты... Наверное, я был тогда еще слишком молод, не понимал, какой подарок делает мне судьба. Иногда я говорю себе: “Ах, если бы снова пережить тот год!”

— Сохранилась фотография, сделанная в кинотеатре на Каннском фестивале по завершении сеанса “Голубой бездне”? Люк Бессон поднимает вашу руку в знак победы.

— Незабываемый момент. Рядом с нами сидел младший брат Люка. Брюс, который играл в фильме юного Майюа. Он плакал. А вокруг нас аплодировали стоя 2400 человек. Точно помню сцену них лица Сандрин Боннер и Патрика Пуавра Д’Арвуара.

— Вы почувствовали, что ваша судьба делает крутой вираж?

— В тот момент — нет. Все началось потом. Когда мы стали путешествовать с фильмом по всем странам, и всегда — первым классом, останавливались в лучших отелях, а на премьеры нас возили в девятиметровых лимузинах. Вот тогда я смог рассмотреть улыбки людей, которых я видел в первый раз. Женщины, шампанское, цветы... Ты спраливаешь себя, почему все улыбается, и вдруг осознаешь, что все изменилось, хотя ты остался прежним. А смотрят на тебя иначе.

— Позже вы говорили, что успех “Голубой бездны” лишил вас вкуса к радостям жизни.

— Мы полтора года жили, как на карнавале. Если каждый день пить шампанское и есть черную икру в компании самых красивых женщин, постепенно теряешь вкус к жизни.

— Вы говорили себе 10 лет назад: “В 1998 году я приеду в Канны с американским супербоевиком”?

— Нет. Мне казалось, что все, абсолютно все мои мечты сбьлись. Меня признали в такой важной и большой кинодержаве, как Франция, — о чем еще мечтать? Меня любят, меня везде принимают, меня приглашают во все фильмы. Но я решил, что пора сделать остановку. Я с трудом обживался в новом статусе. Когда я стоял в Канны между Дайан Китон и Энди МакДауэлл, все время спрашивал себя, что я делаю в их компании, и не вышибли ли меня отсюда, как зазевавшегося провинциала. По правде говоря, я до сих пор не знаю ответа на этот вопрос. И не хочу знать, почему судьба приготовила мне этот сюрприз.

— Когда вы в первый раз побывали в США?

— Я всегда говорил, что успех “Голубой бездны” лишил вас вкуса к радостям жизни.

